

ЗАГАДКИ ТЕКСТА

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-6-74-82

Признаки и функции концепт-символа «Комета» в одноименном стихотворении А. Блока (К 140-летию со дня рождения)

Анна Тихоновна Грязнова

*Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия,
e-mail: grant09@yandex.ru*

В статье обосновывается целесообразность включения в терминосистему лингвопоэтики понятия *концепт-символ*, эвристический потенциал которого подтверждается путем анализа стихотворения А. Блока «Комета». Важным признаком концепт-символа, установленным с помощью методов этимологического, лексического, полевого, контекстологического и концептуального анализа, является способность формировать концептуальное поле, не только обладающее текстообразующим потенциалом, но и тесно связанное с идеей художественного произведения. Концепт-символ принимает активное участие в организации индивидуально-авторской картины мира, привнося в нее черты неомифа. Эти качества отличают его от символа-образа, который в стихотворении А. Блока используется локально, служит для связи элементов концептосферы и расстановки логических акцентов, а также от концепта-фрейма, который формирует сюжетную составляющую стихотворения.

Ключевые слова: А. Блок; лингвопоэтический анализ; когнитивный подход; концепт-символ; архетипичность; образная и ценностная составляющие; индивидуально-авторская картина мира

Ссылка для цитирования: Грязнова А. Т. Признаки и функции концепт-символа «Комета» в одноименном стихотворении А. Блока (К 140-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 6. – С. 74–82. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-6-74-82.

Features and Functions of Alexander Blok's Concept-symbol «Comet» in the Poem of the Same Name (To the 140th Anniversary of the Birth)

Anna T. Gryaznova

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
e-mail: grant09@yandex.ru*

The study is set out to prove the expediency of incorporation of the notion concept-symbol into the linguopoetics terminology. The analysis of Blok's poem «Comet» confirms a substantial heuristic potential of the concept-symbol. The applied etymological, lexical, field, contextual and conceptual analyses proved the ability of the concept-symbol to form a conceptual domain obtaining text-forming potential and correlating with the idea of a work of art. The concept-symbol is deeply incorporated in the author's individual vision, bringing certain features of a neo-myth. The above features distinguish a concept-symbol from a figure-symbol used to provide logical emphases and cohesion among the elements of conceptual framework, as well as from the concept-frame which forms the plot component of the poem.

Keywords: A. Blok; linguopoetic analysis; cognitive approach; concept-symbol; archetypal character; figurative and axiological components; author's individual vision

A reference for citation: Gryaznova A. T. Features and functions of Alexander Blok's concept-symbol «Comet» in the poem of the same name (To the 140th anniversary of the birth). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No. 6, pp. 74–82. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-6-74-82.

Концепт принадлежит к числу понятий, которые в последнее время активно изучаются представителями разных направлений филологической науки:

литературоведами, переводоведами, лингвокультурологами, когнитивистами, лингвостилистами. Исследователи по-разному квалифицируют эту лингвистическую категорию.

Целью нашего исследования является обоснование необходимости включения в научный аппарат лингвопоэтики термина *концепт-символ* и демонстрация его эвристического потенциала в процессе анализа художественного текста.

Материалом для лингвопоэтического анализа послужило стихотворение А. Блока «Комета», в котором одноименный образ приобретает статус концепт-символа. Наблюдения осуществлялись в русле когнитивного направления лингвопоэтики, что потребовало использования таких частных лингвистических методов, как лексический, этимологический, полевой, контекстологический, концептуальный анализ, а также метод культурологического комментария.

В своих рассуждениях мы в первую очередь опираемся на положения С. А. Аскольдова, отраженные в статье «Концепт и слово» (1925), где исследователь предлагает разграничивать познавательные и художественные концепты¹, которые понимает как «сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений» [Аскольдов 1997: 274]. Такая характеристика художественного концепта коррелирует с определением символа, данным С. В. Ватманом: «**символ** — это не знак, не образ, не идея и не вещь. Тем не менее символ есть некая особая реальность, в которой все перечисленное — и знак, и образ, и идея, и вещь, и форма, и содержание — выступают как

ее “моменты”» [Ватман 2016: 50]. С учетом того, что главным средством выражения концепта на языковом уровне текста служит слово, которое, по мнению С. А. Аскольдова, в искусстве является символом, на наш взгляд, в художественных текстах можно допустить существование концептов символической структуры. Весомым аргументом в пользу их признания является предположение ученого о существовании различных типов художественных концептов. В своей статье он выделяет художественно-эмотивный тип концепта и концепт-схему, но не исключает наличия иных разновидностей, обращая внимание на то, что они могут быть представлены различными частями речи. Правильность этой точки зрения подтвердили наблюдения современных ученых². На этом основании мы предлагаем ввести в научный оборот и использовать в процессе лингвопоэтического анализа термин *концепт-символ*.

Доводом в пользу возможности существования такого типа концепта служат мнения лингвистов, в первую очередь лингвокультурологов. Например, среди многочисленных типологий концептов, построенных на разных основаниях, выделяется классификация М. В. Пименовой, в которой рассмотрены такие виды концептов, как *идеи* (социализм, коммунизм), *образы* (Русь, Россия, мать) и *символы* (лебедь) [Пименова 2004: 8]. Детальный анализ последнего концептуального типа, представлен в статье исследователя «ЛЕБЕДЬ: СЛОВО & СИМВОЛ» [Пименова 2017], в которой отмечено, что в фольклорной картине мира у этого концепта символический элемент превалирует над всеми остальными³.

¹ Среди признаков художественных концептов ученый называет их индивидуальный характер, «неопределенность возможностей» и отсутствие «логической устойчивости». При этом имеется в виду не отсутствие логики во внутренней структуре, а безграничный образно-смысловой потенциал и непредсказуемость его реализации в каждом новом художественном произведении. Как и познавательные концепты, они обладают внутренней целостностью, которая на семантическом уровне проявляется в наличии семы, служащей именем концепта, и объединяет все элементы концептуального поля. Языковые составляющие художественного концепта связаны друг с другом в смысловом отношении, чему способствует художественная ассоциативность, или, пользуясь современным термином, фоновые семы. В силу неявного характера они исподволь формируют в сознании читателя идею произведения.

² Первая классификация концептов в российской лингвистике по уровневому основанию была создана А. П. Бабушкиным [Бабушкин 1996], который включил в нее лексические (мыслительную картинку, концепт-схему, концепт-фрейм, концепт-инсайт, концепт-сценарий, логически-конструируемые концепты) и фразеологические концепты. С течением времени появились классификации Н. Н. Болдырева, Г. Г. Слышкина, В. И. Карасика и др., построенные на иных основаниях.

³ Следует заметить, что ряд известных исследователей, характеризуя соотношение понятий «концепт» и «символ», считают символическую

Связь между понятиями «символ» и «концепт» отмечает Н. Ф. Алефиренко, который называет точкой их соприкосновения образность: «Символ представляет концепт, родственный образу (не случайно говорят о символических образах)» [Алефиренко 2010: 243–244]. Тожество рассматриваемых понятий подтверждается лингвопоэтическим анализом стихотворных текстов в диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Н. А. Афанасьевой «Символы как семиотические концепты языковой “модели мира” М. Цветаевой»⁴.

В исследованиях О. Ю. Маслова и Н. И. Снежко термины *концепт* и *символ* объединяются в рамках одного понятия. О. Ю. Маслов, классифицируя концепты, наряду с тайм-концептами рассматривает концепт-символы, поясняя, что «это определенные характеристики, позволяющие выделить инновационное в критической массе традиционного»⁵. Н. И. Снежко в кандидатской диссертации «Символы-концепты в пространстве поэтического текста» меняет термины в составе сложного слова местами⁶. Все сказанное позволяет выдвинуть гипотезу о том, что концепт-символ существует в лингвопоэтике как самостоятельная категория. Для того чтобы подтвердить это предположение, необходимо обнаружить свойства, которые отличают концепт-символ, с одной стороны, от концептов иной типологии, а с другой — от

символов, обладающих в художественном тексте локальным, т. е. точечным образным потенциалом. В качестве материала для наблюдений мы используем стихотворение «Комета» поэта-символиста А. Блока.

Предваряя анализ, отметим, что образ кометы был весьма популярным в литературе XIX — начала XX в. Словарь «Эпитеты литературной русской речи» фиксирует определения, которые сопровождают его в поэзии: *залетная* (Белый); *комета-пилигримка* (Мей), *огненно-эфирная* (Фет) [Зеленецкий 1913: 68]. Как следствие, сигнификат лексемы *комета* в поэзии XIX в. выглядел ослабленным, а экспрессивная составляющая коннотата и национально-культурный компонент выдвигались на первый план и подчеркивались посредством синтагматической сочетаемости, ср.: «КОМЕТА ж. небесное тело, сравнительно с прочими, огромной величины, но редкое или жидкое, сквозящее; иногда в ней заметно ядро, а окружная среда образует как бы хвост, бороду или космы; звезда с хвостом, косматая»⁷. Таким образом, А. Блок был не первым, кто обратился к изображению кометы, более того, он опирался на имеющуюся литературную традицию.

Особенностью произведения А. Блока является то, что он вынес лексему в сильную, заголовочную позицию текста, что придало обозначаемому ей образу повышенную значимость⁸. Так поступали немногие авторы его времени: у большинства писателей Серебряного века образ кометы выступает в роли художественной детали, которая трактуется с опорой на **архетипические признаки**: «В стихотворениях Николая Гумилева комета появлялась несколько раз, она была то кровавого цвета («Портрет мужчины»), то багрового и одновременно голубого («Сон Адама»); у Михаила Зенкевича она представляла

составляющую элементом концепта; при этом Ж. Н. Маслова и И. А. Тарасова дискутируют о методах ее анализа. Мы полагаем, что их наблюдения могут быть использованы при характеристике концепт-символа, признав сферой его функционирования лингвопоэтику.

⁴ Афанасьева Н. А. Символы как семиотические концепты языковой «модели мира» М. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Череповец, 2001.

⁵ Маслов О. Ю. Концепт-символы XXI века и тайм-символы XX века (Символы и знаки XXI века — часть 10) // Еженедельное независимое аналитическое обозрение [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.polit.nnov.ru/2007/07/03/symcontime/> (дата обращения: 30.04.2020).

⁶ Снежко Н. И. Символы-концепты в пространстве поэтического текста: системобразующий аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2006.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка // Словари онлайн [Электронный ресурс]. — URL: <https://dal.slovaronline.com/13722-КОМЕТА> (дата обращения: 30.04.2020).

⁸ Подобный прием мы находим у К. Бальмонта, который, как и Блок, использовал этот образ в роли концепт-символа.

в образе ядовитой змеи («Сумрачный бог»); у Давида Бурлюка была насыщена ядом («Стансы»)»⁹.

Высокая частотность образа кометы в произведениях писателей Серебряного века объясняется не только их художественными предпочтениями, но и реальными событиями первой половины 1910 г. — появлением так называемой Великой дневной кометы, которая была настолько яркой, что ее можно было видеть как ночью, так и днем. Ее внешний вид был истолкован населением Земли как кара Господня, посланная человечеству за грехи, предзнаменование конца света. Ощущение близящейся катастрофы усиливалось тем, что «небесная гостья» появилась внезапно, на фоне ожидания другой кометы — Галлея. Соседство двух комет вызвало чувство ужаса, которого не избежали литераторы: символисты в духе традиций литературного направления интерпретировали его как знак грядущих потрясений. В поэзии это проявлялось посредством актуализации архетипических составляющих образа¹⁰, отчасти проявившихся в этимологии лексемы.

Архетипичность, основанная на связи художественного концепта с образами, возникшими в глубокой древности, закрепившимися в коллективном сознании и существующими в нем в неявном виде, по мнению Н. Ф. Алефиренко, является главным отличительным признаком концепт-символа.

Слово *комета* заимствовано в русский из древнегреческого языка, где имело значение

«косматая»: *κομήτης* «*komētēs* — волосатый, косматый». В процессе заимствования слово вошло в разряд существительных и приобрело грамматические показатели женского рода. Внутренняя форма слова обнаруживает черты антропоморфного и зооморфного кодов, которые подчеркивают персонификацию кометы в сознании носителей древнегреческого языка. В ходе заимствования значение слова восприняло национально-культурный ореол, который окружил представление о комете в фольклорной картине мира: на Руси их именовали *хвостатыми звездами*, *метлами*, отмечая родство с нечистой силой, и считали, что они знаменуют предстоящие бедствия: кровопролитную войну, природные катаклизмы, мор.

В стихотворении А. Блока, несомненно, обнаруживаются архетипические свойства образа-прототипа, которые проявляются в отборе автором языковых средств выразительности. Однако художественных приемов, создающих канонический образ падучей звезды — предвестницы несчастий, у поэта немного: олицетворение *грозишь*, эпитет *ужасная*, парафраз *последний час*, т. е. смерть, уничтожение человечества (на это указывает местоимение *нам*), а также лексема книжной стилистической окраски *гибель*. Блок заостряет внимание на антропоморфизме образа [Бакирова 2019]: использует обращение, упоминает о *селеньях* кометы, в которые *льют свет Берлин, и Лондон, и Париж*. Аномальное, на первый взгляд, словосочетание становится логичным, если вспомнить архетипические представления о небе, в соответствии с которыми в древности славяне верили в существование нескольких небес и первое небо представляли как твердь, которая сдерживает натиск *хлябей небесных* [Гаврилов, Ермаков 2018]. Лексема *путь* используется поэтом в значении «траектория, по которой движется комета», однако ее прямое значение обладает потенциальной семой «человек (транспортное средство, управляемое им)», что также способствует «одушевлению» образа.

Однако, как показывает анализ текста, архетипические представления не главная семантико-образная составляющая концепт-символа «Комета». Это небесное тело для Блока прежде всего *звезда* (лексема повторяется в тексте дважды).

⁹ Чабан А., Шеля А. Комета Галлея: паника века // Арзамас [Электронный ресурс]. — URL: <https://arzamas.academy/materials/491> (дата обращения: 30.04.2020).

¹⁰ В Словаре эпитетов приводятся следующие образные обозначения кометы, которые восходят к различным архетипам: «*листавица*, *волосатая звезда*, *галактика*, *звезда с хвостом*, *звездная страничка*, *косматая звезда*, *косматое светило*, *космическая гостья*, *космическая скиталица*, *космическая страничка*, *межпланетная скиталица*, *небесная гостья*, *небесная пришелица*, *небесная скиталица*, *небесная страничка*, *огненный змей*, *пришелица из космоса*, *судно*, *тело*, *хвостатая звезда*, *хвостатая страничка*, *хвостатое светило*, *хирон*». (Словарь эпитетов // Словари онлайн. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rus-epithets-dict.slovaronline.com/490-комета> (дата обращения: 30.04.2020)).

А. А. Бакирова и М. В. Пименова отмечают, что «основная функция звезды — указывать путь» [Бакирова, Пименова 2020: 155].

Таким образом, признак архетипичности концепт-символа требует уточнения: во-первых, он складывается из архетипов локальных символов, не обладающих статусом художественного концепта, во-вторых, является следствием взаимодействия архетипов друг с другом, наконец, это качество может подвергаться индивидуально-авторской трансформации и уточнению. Преобразованные символы Е. В. Шелестюк относит к числу субъективно-авторских и отмечает, что они играют особую роль в формировании авторской картины мира, изменяя существующие в национальной модели мироустройства стереотипы и архетипы [Шелестюк 2003].

Трансформация касается языковых образов, которые обнаруживают в символе новые оттенки смысла, выходящие за рамки общепринятых понятийной, экспрессивной и национально-культурной (архетипической) составляющих. При создании концепт-символа «Комета» Блок использует широкий спектр выразительных средств, среди которых встречаются не только метафоры и метонимии, но и парафразы с антитезами, гиперболы и градации, что позволяет уточнить мнение Н. Ф. Алефиренко, утверждающего, что символы бывают метафорическими и метонимическими. Нам представляется, что о метафорических и метонимических символах можно говорить тогда, когда они имеют локальный характер, т. е., будучи образами в прямом смысле этого слова, употребляются в тексте точно и служат структурными элементами концепт-символа.

Наиболее экспрессивной среди других образных средств создания концепт-символа «Комета» является сложная метафора *алый вихрь небесных роз*, которая строится на взаимодействии цветового, анимического, пространственного и вегетативного кодов. Архетипическая цветовая характеристика кометы (красный цвет) при этом подвергается трансформации за счет того, что алый оттенок, в отличие от красного цвета, имеет более сложную семантику: он символизирует жизнь, праздник, возрождение, надежду, любовь, самопожертвование, духовность, в богословии он обозначает праведные муки, очищение

и воскрешение¹¹. Таким образом, в стихотворении А. Блока актуализируется фоновая семантика цветоименования, закрепленная за разными дискурсами — поэтическим и религиозным. Как следствие, вместо негативной оценки, обусловленной ассоциацией *красный цвет — кровь-гибель*, поэт придает образу положительно-оценочную коннотацию, возникающую в результате объединения в рамках метафоры поэтизмов *алый* (яркий, жизнеутверждающий цвет, вызывающий положительные эмоции), *роза* (королева цветов, символ земной красоты), *небо* (олицетворение высоты помыслов и мечты, непостижимости господнего промысла), *вихрь* (безудержный, завораживающий порыв воздуха). Сложная метафора передает восторг, который испытывает лирический герой при взгляде на *звезду из синей вечности*.

Усиливает образный потенциал цветообозначения *алый* то, что оно семантически и образно взаимодействует с цветовым прилагательным *синий*, которое вычленяется из парафразы *синей вечности звезда*. Это словосочетание, построенное на метафоризации (приеме, возникшем в результате совмещения образного потенциала метафоры и метонимии, ср. *вечное синее небо*), экспрессивно воздействует на читателя не только путем использования довольно редкой разновидности тропа, но и посредством актуализации в его воображении цветового контраста. Синий цвет обычно служит символом бесконечности, непостижимости, божественности и разума (в данном контексте высшего), мечты¹². В стихотворении Блока он появляется не случайно: Великая дневная комета имела хвост синего цвета, что породило слух о губительном синероде, грозящем землянам смертью. Таким образом, как и в цветообозначении *алый*, в колоративе *синий* взаимодействуют два дискурса — поэтический и обыденный. Оба цветовых прилагательных являются

¹¹ Алый цвет и его сочетание // LOOKCOLOR.RU [Электронный ресурс]. — URL: <https://lookcolor.ru/krasnyj/alyj-cvet/> (дата обращения: 30.04.2020).

¹² Синий цвет: значение, применение, сочетание // LOOKCOLOR.RU [Электронный ресурс]. — URL: <https://lookcolor.ru/sinij/sinij-cvet/> (дата обращения: 30.04.2020).

символами — образами, которые, помимо экспрессивной, выполняют в тексте связующую функцию: они маркируют взаимодействие концепт-символа «Комета» и концепт-сценария¹³ «Мир», о чем будет сказано далее. Однако, в отличие от концепт-символа, они не участвуют в композиционной организации всего художественного текста и не воплощают его идею в образном виде, а лишь расставляют логические акценты: противостояние героя вечности и готовность пожертвовать собой ради спасения мира.

Другим средством связи концепт-символа «Комета» и концепт-сценария «Мир» является сравнение: *Наш мир, раскинув хвост павлиний, / Как ты, исполнен буйством грез*. Обращает на себя внимание тот факт, что лексема *комета* заменена в нем местоимением *ты*, которое находится в позиции образа, чем нивелируется экспрессивность этого компонента компаративной конструкции. Объект сравнения, представленный словосочетанием *наш мир*, также не добавляет тропу экспрессии. Все внимание лирического героя, который выступает в роли рассказчика, сосредоточено на признаке, а точнее признаках сравнения. Оба они важны для соотнесения разноструктурных концептов, поскольку служат ключом к их интерпретации. Может показаться, что обстоятельство образа действия *раскинув хвост павлиний*, синтаксически связанное с составным именным сказуемым *исполнен буйством грез*, характеризует только объект сравнения, однако семантически оно соотносится с образом кометы, у которой есть голова и хвост, светящийся синим и алым цветами и потому напоминающий павлиний. Следует учесть, что в русском языке лексема *павлин* в переносном значении указывает на самовлюбленного человека, который своим внешним видом желает произвести на окружающих неотразимое впечатление, будучи на самом деле ничем не примечательной личностью. В русском языке есть фразеологизм с аналогичным значением *распускать (распустить) павлиний хвост*, который во

«Фразеологическом словаре литературного языка» имеет значение: «Разг. Презр. Красуясь, стараться произвести впечатление на кого-либо»¹⁴. Как следствие, выражение *павлиний хвост* используется диффузно: в качестве элемента олицетворения, персонифицирующего комету, и как средство создания иронии, имеющее в своей основе трансформированный фразеологизм. Второе основание сравнения также грамматически связано с объектом сравнения, но семантически соотносится и с ним, и с образом. В силу многозначности краткого причастия *исполнен*, оно может быть истолковано по отношению к лексеме *мир* как ‘переполнен иллюзорными впечатлениями и надеждами’, а по отношению к лексеме *комета* — ‘рождает впечатления и иллюзии в большом количестве’.

Смысл метафоры *буйство грез*, связывающей образы кометы и мира, раскрывается в гиперболах, изображающих ночное освещение Берлина, Лондона и Парижа столь интенсивным, что оно достигает небесных селений, и описывающих звуки матчиша, фривольного танца, громкость мелодии которого доносится *до звезд*. Гиперболу содержит и непонятная современному читателю фраза *бензол приносит исцеления*: *бензол* стал использоваться в начале XX в. как лекарство против онкологических заболеваний и создал иллюзию, что болезнь побеждена, но позже выяснилось, что радость была преждевременной и средство имеет множество побочных эффектов.

Таким образом, концепт «Мир» семантически и образно связан с концепт-символом «Комета». Типы этой связи разнообразны, а маркеры не всегда очевидны. Эти связи легче охарактеризовать, если опираться на анализ фреймов, входящих в состав концепт-сценария «Мир».

Первый из них изображает дев, вышивающих шелком по атласу жизнеутверждающие картины (вряд ли строку *Выводят шелком миру: да!* следует понимать буквально). Их образ неявно противопоставлен образу кометы. Основой для этого служит грамматическая категория женского рода

¹³ Концепт-сценарий (скрипт), в отличие от концепт-символа, имеет динамическую структуру, которая предполагает сюжетность, налагаемую на фреймовую основу. Фрейм содержит стереотипное представление о некоторой ситуации, а сценарий придает ей динамику.

¹⁴ Фразеологический словарь русского литературного языка. — М., 2008 // Словари онлайн [Электронный ресурс]. — URL: <https://my-dict.ru/dic/frazeologicheskij-slovar-russkogo-literaturnogo-yazyka/1363470-raspuskat-pavliniy-hvost/> (дата обращения: 30.04.2020).

имен существительных, обозначающих существа женского пола (как отмечалось ранее, комета в стихотворении Блока антропоморфна). Образ дев, как и образ кометы, архетипичен: в его основе лежит прототип парки (мойры), прядущей или обрезающей нить судьбы, в данном случае судьбы мира. В стихотворении Блока эта нить не только не прерывается, но и создает узоры, символизируя спасение мира от смертельной угрозы. В синтаксической конструкции, оформляющей фрейм, существительное *мир* помещается поэтом в слабую смыслоразличительную позицию, которая не позволяет с уверенностью утверждать, какое из омонимичных значений — планета Земля, жители земли или отсутствие войны — актуально в стихотворении. Вероятнее всего, прием использован автором целенаправленно: для достижения диффузного употребления семантики омонимов, углубляющего смысловую перспективу стихотворения, в котором образ дев-хранительниц противопоставляется образу девы-разрушительницы.

Технические достижения цивилизации, противопоставленные разрушительной мощи кометы, изображены в следующем фрейме: *будят ночь всё тем же гласом — / Стальным и ровным — поезда; Сквозь ночь, сквозь мглу — стремят отныне / Полет — стада стальных стрекоз!*¹⁵ В приведенных цитатах дважды повторяется эпитет *стальной*, реализующий вещественный культурно-языковой код, который актуализирует фоновые семы 'мощный', 'крепкий', 'способный противостоять нападению'. В то же время наименования техники — поезда и летательные аппараты — олицетворяются с помощью использования лексем *глас* и *стрекозы*. Ощущение технической мощи и готовности преодолеть самые сложные препятствия, в том числе столкновение с кометой, передано Блоком с помощью перечислительного ряда: *Симплон* (высокогорный перевал в Альпах), *моря, пустыни, алый вихрь небесных роз, ночь, мгла*, который формирует гиперболическую градацию, начинающуюся с перечисления

земных объектов и заканчивающуюся описанием неба, по которому движется комета. Гиперболическая градация и олицетворение изображаемых объектов служат основанием для антитезы *комета — технические устройства*. Таким способом Блок создает фантастическую картину мира, содержащую черты неомифа. В нем есть место героям, способным пожертвовать жизнью ради спасения человечества (ср. символику алого цвета).

Особого внимания при анализе образа героя требуют последние строки стихотворения: *Смолкай сердито за спиной, / Однообразный треск винта!* Для того чтобы понять их смысл, следует знать, что винт на аэроплане находился не сзади (за спиной), а впереди. Таким образом, в стихотворении говорится о том, что отважный летчик оторвался от своего звена, сильно опередив его, стремясь навстречу комете, а значит, подверг свою жизнь смертельной опасности. В его образе безумная мечта спасти человечество противопоставляется буйству грез, царящему в мире, который он стремится защитить. Как следствие, между языковыми составляющими концепт-символа «Комета» и концепт-скрипта «Мир» складываются отношения не только антитезы, но и аналогии, что позволяет «выделить инновационное в критической массе традиционного»¹⁶. Иными словами, концепт-символ «Комета» обнаруживает в стихотворении Блока черты индивидуально-авторского своеобразие: в литературе XIX — начала XX в. он мог образно характеризовать возлюбленную лирического героя, трактоваться авторами как основа для фантастического (апокалиптического) сюжета, интерпретироваться в религиозно-философском ключе. В стихотворении А. Блока концепт-символ позволяет писателю и сравнить современные ему архетипические нравственные ценности, и создать фантастическую модель мира, в которой прославляются героизм и самопожертвование.

Анализ концепт-символа в стихотворении А. Блока показал, что он обладает рядом свойств, отличающих его от символа-образа, который используется локально, служит для связи элементов концептосферы и расстановки логических акцентов, а также от концепта-фрейма, который формирует сюжетную составляющую стихотворения.

¹⁵ С помощью лексемы *стада* создается фигура гиперболы, которая была преувеличением и по отношению к реальности: первый полет российского аэроплана состоялся только в мае 1910 г. Доля художественного вымысла в стихотворении Блока велика: рекордное расстояние в полтора километра аэроплан пролетел лишь в 1913 г.

¹⁶ Маслов О. Ю. Указ. ресурс.

Процедура рассмотрения концепт-символа состоит в его реконструкции, проводимой с учетом контекстуального подхода. В ходе анализа структуры концепт-символа выявляются языковые средства, формирующие ядро и две периферии. Ядро представлено комплексом языковых средств, которые группируются вокруг имени концепта, составляя его понятийную зону. Лексемам и фразеологизмам, входящим в ее состав, присуща минимизация объема узуальных понятийных сем и увеличение доли фоновых компонентов смысла, обладающих архаической семантикой. Концентрация таких элементов структурирует индивидуально-авторскую картину мира, придавая ей черты неомифологизма и фантастики.

В формировании первой периферии концепт-символа участвуют языковые средства создания эмоции и экспрессии, осмысление которых производится с помощью полевого анализа и культурологического комментария. В процессе их характеристики важная роль отводится выявлению средств и способов кодирования художественной информации. Выбор используемых автором культурно-языковых кодов и тропов, с помощью которых они вербализуются, определяет своеобразие индивидуально-авторского стиля.

Вторая периферия включает в себя языковые единицы, маркирующие валентности концепт-символа, которые служат для его связи с другими концептами текста, важными для организации его композиционно-образного уровня.

Все сказанное позволяет утверждать, что концепт-символ, с одной стороны, служит неявным средством создания смысловой перспективы художественного текста, а с другой — является инструментом анализа художественной картины мира писателей, создающих свои произведения в рамках нереалистических литературных направлений (романтизма, символизма), что служит доводом в пользу включения данного термина в научный аппарат лингвопоэтики.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. — М., 2010.

Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. — М., 1997.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. — Воронеж, 1996.

Бакирова А. А. Антропоморфные признаки в структурах концептов *звезда* и *star* // Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения. Материалы Международной научной конференции «Кусковские чтения. Аксиологическое пространство русской словесности: традиции и перспективы изучения», г. Москва, 3–6 октября 2019 г. — М., 2019. — С. 717–724.

Бакирова А. А., Пименова М. В. Символические признаки концепта *звезда* в современной русской поэзии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. — 2020. — № 1 (144). — С. 152–159.

Ватман С. В. К исследованию понятия символа в философии культуры Андрея Белого // Вестник СПбГУКИ. — 2016. — № 1 (26). — С. 48–53.

Гаврилов Д. А., Ермаков С. Э. Небесная мифология славян. Круг времен. — М., 2018.

Зеленецкий А. А. Эпитеты литературной русской речи. — М., 1913.

Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. — Кемерово, 2004.

Пименова М. В. ЛЕБЕДЬ: СЛОВО & СИМВОЛ // Язык, культура, этнос: сб. статей к 65-летию юбилею профессора З. К. Дербишевой. Сер.: Концептуальный и лингвальный миры. — СПб., 2017. — С. 62–71.

Шелестюк Е. В. Представленность символа в структуре понятия // *Mentalität und Mentales*. — Landau, 2003. — S. 32–45.

REFERENCES

Alefirenko N. F. Linguoculturology. Value-semantic space of language: textbook allowance. Moscow, 2010. (In Rus.)

Askoldov S. A. Concept and word. In *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology]. Moscow, 1997. (In Rus.)

Babushkin A. P. Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of the language. Voronezh, 1996. (In Rus.)

Bakirova A. A. Anthropomorphic features in the structure of concepts *zvezda* and *star*. In *Aksiologicheskoe prostranstvo russkoi slovesnosti: traditsii i perspektivy izucheniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Kuskovskie chteniya. Aksiologicheskoe prostranstvo russkoi slovesnosti: traditsii i perspektivy izucheniya»* [Axiological space of Russian literature: traditions and perspectives of study. Materials

of the International Scientific Conference «Kuskovskie Readings. Axiological space of Russian literature: traditions and perspectives of study». 3–6 October 2019. Moscow, 2019, pp. 717–724. (In Rus.)

Bakirova A. A., Pimenova M. V. Symbolic features of the concept of *star* in the modern Russian poetry. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Filologicheskie nauki* [Izvestie Volgograd State Pedagogical University. Ser.: Philological sciences]. 2020, No. 1 (144), pp. 152–159. (In Rus.)

Vatman S. V. Concept of symbol in philosophy of culture by Andrey Belyi. In *Vestnik SPbGUKI* [Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture]. 2016, No. 1 (26), pp. 48–53. (In Rus.)

Gavrilov D. A., Ermakov S. E. Heavenly mythology of the Slavs. The circle of times. Moscow, 2018. (In Rus.)

Zelenetsky A. A. Epithets of literary Russian speech. Moscow, 1913. (In Rus.)

Pimenova M. V. Soul and spirit: features of conceptualization. Kemerovo, 2004. (In Rus.)

Pimenova M. V. Swan: word & symbol. In *Yazyk, kul'tura, etnos: sbornik statei k 65-letnemu yubileyu professora Z. K. Derbishevoi. Ser.: «Kontseptual'nyi i lingval'nyi miry»* [Language, culture, ethnos: collection of articles. articles for the 65th anniversary of Professor Z. K. Derbisheva. Series «Conceptual and Lingual Worlds»]. Saint-Petersburg, 2017, pp. 62–71. (In Rus.)

Shelestyuk E. V. Representation of the symbol in the structure of the concept. In *Mentalitat und Mentalites*. E. A. Pimenov, M. V. Pimenova (ed.). Landau, 2003, pp. 32–45. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анна Тихоновна Грязнова, кандидат филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет; ул. М. Пироговская, д. 1/1, г. Москва, 119435, Россия

Anna T. Gryaznova, Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; 1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russia